

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ

АИРИ ВОЛОХОНСКИЙ

Эти стихи Волохонского я подобрал три года назад по просьбе Константина Кузьминского для его антологии "Двенадцать?/ поэтов". Теперь о Кузьминском мы слышим редко, об антологии и вовсе никогда, и я считаю возможным предложить эту подборку "Часам" в ожидании выхода настоящего авторского сборника, объявленного в Париже.^x

Для того, чтобы написать о Волохонском, пришлось бы слишком многое вспоминать и углубляться в слишком многое. Волохонский начал тогда, когда на окраинах поэтической пустыни послевоенного времени одиноко возвышались два неприступных гиганта, и не было больше никого и ничего. Волохонский начал как бы сначала и именем един, ни с кем не споря и ни с кем не объединяясь / кроме Алеши Хвостенко, всеми любимого "Хвоста" /. Начало его было ирреальное, а каждый следующий шаг был шагом вперед. Волохонский начал создавать русскую метафизическую поэзию. Нечто подобное / несколько позже начал / делал и Бродский, но экзотически, тогда как поэзия Волохонского принципиально экзотична.

То немногое, что доходит от Волохонского с Запада /Востока?/, например, стихи о быке в немецком "Чреве Парижа", могло бы служить еще одним евровержением мифа о непременном утверждении поэтического таланта при пересадке поэта в почвы иные. И в этом он снова отличается от Бродского, чья поэзия после его эмиграции еще таким евровержением не стала.

Михаил Мейлах

^x/ Подборка стихотворений Аири Волохонского, составленная М.М. "Часам", публикуется в сокращенном, "журナルном" варианте.

Из цикла:

"ТРЕЛИ БАКАЛАВРА"

Пролог

Соблазном сильно поределым
На небесах тебе далеких
Расположил свои пределы
Наш мир ужасный и жестокий
Природы хрупкие куски
Он поместил в законов обруч
По ним сновали пауки
Плетя для нас познанья поручень.
Прекрасный окорок тая
Природа скрыла эти сроки
Смутясь, оправила оборки,
Стыдливо глядя на меня:
"Во мне ты верно видишь ту
Что резво каждому солдату
Приоткрывает наготу
За незначительную плату -
Пойди со мной, войди в палату
Там средь весов и между мер
Научной прелести пример
Цветет левкоем на пригорке,
Но есть во мне такие норки
Куда их не проникнет взгляд...
Гляди: у самой двери кассы
Напуганы дефектом массы
Толпой учёные стоят
И что-то нежное галдят
Своей испорченной латынью,
Гордясь познания полныю,

Дерзнувши дно мое пощупать,
Но обретают лишь свинью,
Хотя и применяют лупу.
Луны рассматривая части,
Природный отмечает стыд,
Они стремятся к тщетной власти,
Собравши сведений пласти
В распространенные тома;
Один тащил меня в кусты
И каждый палец как Фома
Меня исследовать намерен,
Стоял вокруг в себе уверен.
Однако я была тверда
И не сдавалась словно башня.
А он сказал, что я труба,
Сказал, что нива я и пашня,
А он, ученый, словно плуг
В кругу мотыг, своих подруг
Блестящих новых инструментов,
Копать которыми удобно,
Что я глядела благосклонно
И тесто подымалось сдобно;
Ему казалась я съедобной,
Красивой, глобусоподобной,
И потому меня он мерил,
Размахивая сантиметром,
И делал вид, как будто верил,
И в шляпе был отделан фетром
И на меня пахнуло ветром,
А он заметил тут со смехом:
"Работа делу не помеха,
Отдай себя моим утехам.
Наука обществу- порука
Природа обществу- задвижка
Ларца, куда влагаем клюквой
Средств общественных излишек;

Наука это есть кровать,
На ней сидим мы, свесив ноги,
Над миром царствуя как боги.
Науки склоны не пологи.
Обрывы- должен я сказать -
На ней имеются и тропы -
Наука верная подстилка,
Чтобы с утесов упадать
И не затрагивать затылка.
Природа- сыр, наука- вилка,
Природа- дробь, наука- белка,
В руках у меткого стрелка
Лежит разбитая тарелка
Должок записан под мелок.
На том кончуя свой пролог.

ИЗОБРЕТАЕЛЮ КОМПАСА
СМЕЛОМУ МОРЕХОДУ-КИТАЙЦУ

Был корабль раб руля.
Был корою крыт каркас -
Корпус-нос от корабля.
Междуд мачт отмерив час
Жмурил в щель веселый глаз
Измещая воду в чан
Кок, который в самоваре
Капитана совмешал -
Он торговыми судами
Им покривывал "Куда вы?"
Или им кивал усами
Сам связавши их с причалом.
К нам беда приходит слева
Это древняя примета
Если сердце вроде хлева
Если осень вместо лета,
Вместе с зимами мороз
Разворачивает пни
Журавьиных куч нарост
Расчищает тропы-дни,
Кони жаждут направленья,
Их ездок уздюж жмет
Корабли ползут на мели
Это компас их ведет.
Только кок в своем бока
Свободно руки упирая
Потрясает камбалу,
Которая рыдая умирая,
Вспоминает облака
И картины донной мглы
И стрелку алую из лука
Эксцентрика и шутника,

Который пьет свое "пока"
Из металлического кубка...
Это разве не удача
Знать, куда покажет рыбка
Если прежде горько плача
Волны нас качали зыбко,
Знать, где запад, где восток
Должно всякому подростку,
Зыбкий знания росток
С капитаном сшит внахлестку
Этот корень цветом вакса
Этот парень видом- воск
Верещит собака такса
Если ей отрубишь хвост.
Под дождем косматых звезд
На небесах рассыпанного проса
Приди, мой друг, сожми ладонью грозь
Глотни из терпкого течения вопросов.

СУРОВОЕ И МУДРОЕ НАПОМИНАНИЕ

От появленья до могилы
Все великие явленья
Суть дела рабочей силы
И крестьянские деянья.

Если куполом увенчен
Замечательный домишко
Если формулами страшен
Математика умишко

Если кот сидит в мешке
На корявом ремешке
Знай, что это чей-то труд
Уложил пушистый груз

Он воздвигнул эту башню
И вдавил в учёный мозг
Через зад посредством розг
Взборошил чужую пашню

Распахал чужой погост
Но не слушая припева
Жил художник в отдаленьи
Жил поэт на перекрестке

Жил писатель в сновидении
А народ страдал и плакал
Лучшей жизни он не чаял
И тогда сказал Некрасов

Гоголю за чашкой чая:
"Чем бунтовать на площадях
Не лучше ль нам стоять на клумбах
Городовой на лошадях"

Страшней, чём дворники на тумбах
Но я крестьянина люблю
Царя стихом я покороблю
Я о крестьянине скорблю
И подарю ему оглоблю.

Ты можешь лошадью не быть,
Но долг гражданский заплатить.
Так пей, друг Гоголь, за меня!"
И умер, раком печенья. ^{x)}

И пусть примеров прежний вкус
Напомнит новому искусству,
Что сенокос, где я пасусь,
Не должен быть чрезмерно узким.

Пускай народ артисту скажет:
"Где сущность я, лишь форма ты"
И для примера простоты
К хвосту пословицу привяжет:
Народу вовсе не нужна
Плохая башня от слона.
Поэт, кряхтя, пускай поступит
Туда, где благороден труд,
Художник если нравом крут
Яйцом баражается в ступе
Писатель пишет. Математик —
Развесит шарик на канатик
Для деток нежную забаву
Или машину для гаданья
Исхода полного собранья
И так, ступая величаво,
Придут великие творцы,
В руке сжимая огурцы.

---

^{x)} то есть от рака печени — вольность.
Прим. автора.

МАТЕРИЯ 1-Я -
САРКАСТИЧЕСКАЯ

Противоречий длинный узел
В себе медлительно неся
Сосредоточась в этом грузе
Крутясь и сочленяя звуки
Материя сияла вся
И чревом мир приподнимая
Червем пронизывая весь
Она протягивала руки
И говорила только здесь
На травах розового мая
На алом бархате фиалок
Вдали от свалок городских
Я лучший случай как подарок
Отдам тому, кто любит их.
Я мира дерево златое
Я мира корень, ветвь и ствол
Цветок и плод и шип и кол
Мой пышен пест, листва - подол
И все, что сверх того пустое
На том летаю и стою -
Ведь я сама себя удвою
Мигнувши только воеводе
В котором социальном слое
(Умрет изящность в тесном слоге)
Уложены начала смысла
Они напоминают ведра
Качают мира коромысло
А риф как наконечник мыса
Дырявит лодочные днища
И хлещут в дыры волны речи
Я вся- клубок противоречий
А на боку моем прорехи
Но я сама свою структуру

« Пчела умна как архитектор
Ничто преобразует в нечто—
Построю в длинную натуру
На мысе рифа наконечник
Опасный корабельным днищам
Его теченьем правит вечность
А мир — качели коромысла.
А мыс концом венчаем рифа
Бурлит водой среди пробоин
Я вся комок предубеждений
Но мой порядок оченьстроен
Мой пращур был недурно сложен
Потомок вдруг оделся кожей
Совсем не лучшего покроя.

— Смесь молока и сноведений —
Разбитый в тщетности рассудок
Плохой поломанный рисунок
Цветок, обглоданный как остов,
— Поищем кость на дне сосуда,
Туда забитую первично
Скорей пустить в работу эзубы
Пусть нам дадут хотя бы кости
А прежде выдуманную ссуду
Заменит кашей чечевичной
Вольют разваренную душу
В приуготовленную полость".

— Ах, бесконечность, бесконечность
Для юной поступи моей
Нет ни опоры, ни дороги
Я дом без крыши и дверей
И нет ни петель ни порога
Но изнутри на щеколду
Храня сама себя на льду
Я крепко спальню запираю
И на трубе играю.

ЖАЛОВА ДРУГУ, КОТОРЫЙ ДАВНО НЕ ПИСАЛ

В пустыне селезнем порожней
В траве кузнечиком пустой
В без творога ватрушке ложной
В душе раздумьями несложной
В душе простой и нетревожной
Любовь - единственный устой.
Она единственное благо,
Она - осмысленная влага,
Она - для нашей жизни редкость,
Пойми, чему ты ей обязан,
Она есть средство вспомнить местность,
С которой ты был прежде связан
Тревогой трепетного детства.
Внутри у каждого есть кузов,
Воспоминаньем небогатый,
Спеши туда - он твой вожатый
Куда вагоном без прицепа
Спешишь верблюдом не без груза
Одолевая взглядом узость
Стеклом для глаз, различных цветом,
Любовь как шторм, но он не крепок.
Так пусть взаимности напиток
Хотя б размерами с наперсток
Вольется в чан с настоем репы
Примером скучной продразверстки
И на березовом пеньке
Вздут красивые подростки
Каждый в шляпе и в венке.

В пустыне селезнем порожней
Один обычай есть английский:
Чтоб поселенца не тревожить,
Ему не отправляют писем,
Ему не отправляют душу

Фальшивым кексом безизюмным,
Чтоб он свою лишь песни слушал
Над миром одиноко высясь,
Над миром духом независим
И был своим лишь предан думам -
Таков обычай благородный
В пустыне селезнем порожней.
Ведь это, право, по-ирландски:
Линкор любви по волнам пляски
Пусть бороздит чужие мели,
Чужой комар на ландыш ласки
Летит, трубя про эту прелесть,
Звенит летя на эту крепость,
Как вестник, грустный и крылатый
В пустыне уткой небогатой.
В пустыне кряканьем несътой,
В пустыне лебедем неполной,
В пустыне аисту негодной
С отверстой раной и открытой
Лежу, открытый пыльным волнам,
Где ветерок гуляет южный.
В пустыне журавлю ненужной
Лежу. В руках последний свиток,
Моей любви несчастный слиток
Моей души прекрасный сверток
Хоть он размерами с наперсток
И жду пока он будет сверстан.

И путешественник! По вёрстам
Когда ты меришь караваном
Межгробовые промежутки
Склонись душой к причуде странной
И мыслью околдован жуткой
Нагнись к моей могиле узкой,
Вонзи в неё перо из гуся,
Из замечательного гуся,
Столь чуждого пустынным Фавнам.

ИЗ ЦИКЛА "ТЕМНЫЕ ТВАРИ"

СЛООН

Среди холмов телесен и двуглав
Уж зримый слон растит сея из трав
Как некий холм который скрыт травою
Подъяв над головой костлявый клик
Среди холмов телесен и двулик.

Четыре человека ног его
Шестнадцать стук копыт - державный обод
Шестнадцать раковин - а держат одного
Четыре истукана у него
Два идола подъемлют главный хобот
Из лба из-подо лба растущих рук
С дырою длинной вдоль до переносья
Где локоть сломленный как сук как будто сук
Жрет жрет и жрет колосья и колосья.

Там шкуры бездыханные мехи
Смыкают веко над отдельным глазом
И колыхают хмурий балдахин
И труп нутра объемлют влажным мясом -

Порода бренная, от ветхих чудищ верь
Неизмеренный вывернутый червь
Червь внутренний огромный непомерный
Стоит среди холмов покрытый скверной.

И з Ц И К Л А

"ЧЕТЫРЕ ПОЭМЫ ОБ ОДНОМ"

3. ОДНО ОКО

Туда идя своей чредой
Где город - знал - вдали воздвигнут
Я как нежданною бедой
Внезапно небом был застигнут

Бледнея, утра мрак в нем гас
Был блеск повсюду одинаков
И только сверху дикий глаз
Взирал с него без прочих знаков

Тут одаль все свернулось в вой
Став ветра пепельною плотью
Лишь на дороге предо мной
Виднелось пугало в лохмотьях

Качалась череп-голова
Седое тело тлено сухо
И вихрь выветривал слова
Из трупа Хлебникова духа.

От первого вздоха:
Куда убегает вода исчезающей зелени?
Если бы око мне
О ко мне
Ком неги нежданной
Тебе дней на дне
Дано мало
А надо много
О сон реки
Реки
Рея с мели с милой над ней
Как камней на дне
Надо много

А надо мной мне осталось
Небо льна
Не больно то верится:
Желтого мера
Золото мира
- Солено мира хлебать тебе
Солнца мало
И миом литься луны
Молиться унылой.

Дуновение новое
Веер вех на хлебных колнах
Ветер дерева тетерев
Гребень багрян
Яркий багор-косарь
Ветви отвесь -
То ли око цветок
Слитый с лицом истока-ростка
Проистеканием листвы
Бервие веры вверх
Тянучи до ночи тоньше?
- Смотрите, это солома.

И третье:
Где тела?
Те ли они
Мы не знаем
Плещь ли, плескать ли
Или петь сеть?
Или суть-путь еще ища
Куда убегает вода исчезающей зелени
И так утекающей лебеди?
- А пока мы ищем высыхают колодцы...

С косноязычных челюстей
Через мычанье хрип и скрежет
Стучал мне звук пустых костей

От ветра в трепетной одежде

Я стал судить, но верой скуп
Про что он мне проговорился
Как вдруг исчез шершавый труп
И дух вещавший испарился

И стройный град вдали пропал
И бледный вихрь вымер прерван
А горный воздух кристалл
Застыл как будто в полдень первый

И вспомнив тот что в высах был
Я вверх свой глаз поднял невольный
Где в гул и в гибель всех светил
Сжигал их ужас треугольный.

Из поэмы "ФОМА"

ПСОГЛАВЕЦ

Лёгкий смрад повис над полем
Свора кажет небу морды
Общество трусит на падаль...
Что ему?- Он встал поодаль
Грустен он - потоки скорби
Волны черные печали
Непроглядны, неприворны
На челе его застыли
На груди его- медали
Позади его кобыла
Хороша и без рессоры

Только влево и бесстыдно
Каждый глаз его косится
Совершенно очевидно
В каждый зуб его вместится
Чем в листаньях Августина
Боле сладостного смысла
И иной домашней птицы
И других таких гостинцев
Досверлиться б постараться
Но и ему случится гнаться
Цифры ног своих удвоя
Чуть вдали увидит зайца
С человечьей головою.

Алешенька,
зачем же в Салехард?
Где в ледяной баян охрипший бард
Сосулькою орфической в струю
Должно быть в лиру тренькает свою?
Чтоб на моржа науськивать песца
Гагарам чай не надобно певца
Чтобы менять свой ежегодный мех
К чему эфирный звук твоих помех
Баранам этих суток волчьих стай?
Алешенька, ну, будет, перестань,
Бежит олень, полярный эскимос,
Тебе затылок кажет Канин Нос,
Зачем же Салехард не Гибралтар,
Где Геркулес алтарь поставил встарь
Гляди- любая тварь спешит на юг
Дают ей это или не дают
Бежит на юг тетерка и дрофа
Бежит на юг полярная сова
Бежит на юг обрезанный енот
Вдруг оценив на вес свой древний род
И даже тот кто более чем финн
Туда влачит судьбы своей графин
Все реки на которых я плыву
Туда направят влаг своих халву
Магнитный шприц освободив компас
Теперь свободно смотрит на Кавказ
И сам Кавказ добыв подобья ног
К ним смазанные лыжи приберег.

Ах, эти лыжи... Неужели снег
Тебе милее наших луж и нег
Березы тополиного ствола?
Тебя любая из столиц могла
Держать как сердце бубенцом звения

А ты внезапно не спросишь меня
Не сверься даже с направленьем карт...
О ужас- в эту область юрт и нарт
Где в соль морей губу макает Обь
И свежий лед ее целует в лоб.

Вернись, я вновь и вновь молю, вернись
И отвернись от северных зарниц
Мир одноглаз без одного из нас
Верни же нам хотя бы пару глаз
Чтоб я от вологодских островов
"Алеша жду тебя и будь здоров"

сказать мог искренне.

Целую твой Анри.

Стихотворение обращено к А.Хвостенко,
другу и соавтору Волохонского (прим. ред.)

Из Джона Донна

СРАВНЕНИЕ

Сколь сладок пот сосуд полнивших роз
Сколь сладостен поток мускусных слез
Иль царь-бальзам, что нам дарит Восток
Столь ароматен персей лепесток
Моей любви, а блеск ее чела -
О нет, не пот - корона в жемчугах.

А у твоей- не лоб, сплошной нарыв
И менструален и спермоточив.
Как тук, который осажденный форт
Хлебает всласть, сварив ремни с ботфорт
Иль с сапогов, смертельным гладом вздут
Как будто сырь, иль прочий гнойный зуд -
Так в том сосуде грязной кожи сплав
Вскипает в чирьях скверен и кровав.

Глава моей как вечный мир кругла
Как Иды плод, что Зависть поднесла
Иль тот, к хищенью коего Господь,
Ревнуя, смертной сделал нашу плоть,.

Как каменный болван глава твоей
Ни уст, ни ок, ни носа, ни бровей
Лишь вечный хаос - так глядит Луна
Когда земною мглой поглощена.

Дары Богини в той, благой груди
Она фиал, коим владеет ДиЙ.

Твоя ж- сумма смердит с червями в ней
Иль гроб, где прах внутри и гниль вовне.

Как жимолость дрожащая юна
Так кожа рук и плеч ее нежна
Твоя же- словно сварена живьем

Как зад, что свежепорот батожем
Иль ветхий герб с растрескавшихся врат
Что зной палил уж много лет подряд
Рука твоя- морковный жалкий пук
Опухла длань, а ноготь съел недуг.

Как ровный ствол спокойного огня
Что душу золата в прах земли гоня
Свой блеск вдруг явит в бренном веществе
Таков и огнь в любимом естестве.

А у твоей- как отрыгнувший зев
Мортимеры, что сулит и смерть и гнев
Иль меди воспаленная волна
Иль Этны пасть, где зелень спалена.
И мерзость, что ты с нейтворишь, таясь
Есть червь, что лижет яд с прогнивших язв -
Ведь потому и длань твоя дрожит,
Что гад таясь под розою лежит
А ваш разврат бездушный и сухой?
- Вы словно щебень пашете сохой.

Я ж с милой- парочка влюбленных птах
Как пастырь с дароносящей в руках
Я как хирург, что в рану вводит зонд
Сколь нежен я, столь бережен и он.

Ты брось ее, а я- сравненья с ней
Гнусны сравненья, но она гнусней.

Из книги "КРУШЕНИЕ ОЧАРОВАНИЙ"
Новая лирика (второе)

1. Монумент

Я монумент себе воздвиг не из цемента
И больше он и дольше простоят
Цемент как матерьял не стоит комплимента
Песка в нем сто процентов состоит.

Подверженный злодействию мороза
Выветриванью, порче всяких вод:
Кислот, дождей, растворов купороса
Он сыпется и долго не живет.

Иных мой дух мечтает помещений
Ему ничто бетонный обелиск
Зато средь гряд восторженных речений
Его ростки прекрасно привились.

В пространстве слов отыскивает доски
Мой вечный гроб, мой памятник, мой храм
И лишь из них- отнюдь не из известки
Я мощный дом навек себе создам.

И к дивному строению не из гипса
Придут народы зреть на конуру
Араб, мечтательный пигмей в огромной клипсой
И даже те что рядом с кенгуру.

Чем с пирамид с меня поболе толку
Усмотрит некогда воскресший фараон
Затем что в этот век чугунный смрадный блеклый
Я был трубач, воитель и препон.

И в час когда исчезнет все на свете
Сквозь мразь смолы, сквозь щебень кирпича
Вдруг заблестят играя строфы эти
Как Феникс дикий плача и крича.

Чайник - Чар

Торжественный сосуд для аромата
Я, Чайник,- храм, ты Чай в нутре моем
Во мраке сферы паром напоен
Рождаешься с фонтаном цвета золата

Взлетишь, журча, так словно мы поем
Наполнишь чаши влагой горьковатой
И вот уже пуста моя палата
И хладен мой сферический объем.

Пусть так- но тайну твоего рожденья
Мнё много раз дано переживать
Я глиной мог бы где-нибудь лежать

Кого ж благодарить за наважденье
Кто дал мне жизнь, кто дал мне наслажденье
Тебя во мне назначив содержать?

Чай - Чайнику

Знай - Мастер тот, кто ловкими руками
Великолепной формою облек
Мои дары, на глиняные ткани
В огне накинув пламенный венок

В глазурный блеск преобразив песок
В цветах стекла взрастив растертый камень
Закончил труд и на ковре прилег
Меня смакуя мелкими глотками

И вот тебе ответ на твой вопрос -
Кто ведают меня - те и тебя творят
Ты дивен друг, твой гордо вздернут нос

Как вензель крышечка, твоя как крендель ручка
Мужи безмолствуют, а дамы говорят:
"Какая прехорошенькая штучка".

Из песен, сочиненных в соавторстве
с А.Хвостенко

Бах. Концерт ре-минор. ч. 3

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Вижу образ пламенный твой
Посреди великой тверди златой
Два огромных крыла надо мной
Словно небеса крыла надо мной
Так куда же ты от меня
Улетел пылая в огнях
Улететь с тобой
Я не могла

Слышу голос ангельский твой
Высоко над горней бездной златой
Среди вечного неба паря
Пело зарево, пела заря
Так куда же ты от меня
Улетел крылами звания
Так куда же ты
Вернись ко мне

Осязала ризы твои
Я касалась света лилий зари
Бился огненный пламень во мне
Пламя радуг звенело в огне
Озарило лено мое
Золотое Слово твое
Я люблю тебя
Кто ты такой?

— Воплощенный вечной судьбой
Я покинул тот чертог неземной
Для спасения рода людей
Ради мук ради славы твоей
Обойми же Слово мое
Будет свято лено твое
Я люблю тебя   2 Я ДУХ Святой

А.Х.В.
лето 1968 г.

Старая французская песня

МАТРИМОНИАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Забыть, забыть немедля
Забудь, забудь навеки
Забудь о том, что прежде ты пел
Сова сменила перья

Катай мою телегу
Кати ее к закату
Кобыла и раньше немнога несла
Вали валун с подводы

Срывай с меня рубашку
Держи меня подальше
Танцуют в поле перепела
Вокруг их маленький птенчик

Подай меня на блюде
Неси меня как рыбу
Ловить меня не стоит труда
Кормить сплошное мученье

Меняй меня на репу
Сажай меня под липу
Куда куда как в солнечный день
Поет в лесу подсолнух

Души меня в объятьях,
Пытай своим пожаром
Улитка в чайник прячет рога
Там жаба тянет пену

Поймай меня арканом
Плени меня навеки
Над розовым морем вставала луна
Во льду зеленела бутылка вина

Пои мэн я отравой
Глотай мою цикуту
Сократ вот так же много умел
А умэр как чистый философ

Торгуй меня на рынке
Отдай меня задаром
Орэл на грифе машет крылом
Прощай моя гитара

А.Х.В.

декабрь 1972

Рамо "Тамбурин"

ПРОЩАНИЕ СО СТЕПЬЮ

Посвящается Л.Н.Гумилеву

Степь ты полуиступь-полупустыня
Все в тебя вместились времена
Слава нам твоя явленна жныне
А вдаль Великая стена-стена

Поднимает ветер тучи пыли
Огибает солнце медный круг
Где же вы что были что тут жили
Где же вы куда куда исчезли вдруг?

Где телеги ваши и подруги
Недоуздки седла стремена
Удила и дуги дуги дуги
Где колена орды роды племена?

Были вы велики непомерно
Угрожали всем кому могли
Много-многолюдны беспримерно
На просторах высохшей земли

Что же вы? Ужели на задворки
Толпы куры-куры- курыкан
Тур-туро-турки тюрки торки
Керайт-найман-меркит-уйгурский хан?

Где татаб-ойротские улусы
Где бурят-тангутская Сися
Огого-огузы-гузы-гузы
Где тетепеперь вас много лет спустя?

Вы жужужу в Жуань Жуани
Вы же нининининикогда
Вы же жнаменитые жужане
Что же вы уже-уже и навсегда

Как же вы лишь Гогам, лишь Магогам
Завещали ваш прекрасный край
Что же вы — раз так — жужжите с богом
Ты моя струна одна теперь играй.

А.Х.В.

декабрь 1972
Москва